

и в связи с этим слова, богатые исторической традицией, многовековым культурным контекстом.

Каждое слово, в сущности, бесконечно богато своим объемом и расширяющей этот объем ассоциативной аурой. При этом оно очень богато, но не беспредельно. Все-таки в разнообразии всего своего объема оно не смешивается с другими словами, имеет некие «центры» в своих значениях, вокруг которых концентрируется объем и ассоциативная аура.

Каким образом в художественном слове используется его объем и аура? Это зависит от состояния, в котором находятся объем слова и его ассоциативная аура. Объем и аура содержатся в отдельно взятом слове в латентном состоянии. Весь объем слова и вся его аура — это только некоторые «возможности», потенции, очень неясно ощущаемые, но тем не менее чрезвычайно существующие, ибо эти возможности могут коренным образом менять художественный смысл текста.

В самом деле, в художественном тексте существенную роль, как я сказал, играют объем слова и его ассоциативная аура, но не весь объем и аура одновременно, а «нечто», извлекаемое из недр этого объема и его ауры. Притом это «нечто» не обязательно одно и четко определенное. Чаще всего это «нечто» возникает в контексте, и тогда над контекстом возникает какое-то слабо уловимое мелькание значений, эмоций, ассоциаций — особый «сверхсмысл», иногда более или менее определенный, иногда же слабо уловимый.

Художественное слово большей частью лишено логической устойчивости, которую придают слову его словарные значения и которая так важна в научном термине.

Научный термин — это чистый знак. В качестве такового термин является заместителем и позволяет производить мысленные операции с большой точностью.

Художественное слово может быть иногда и термином, но чаще это не заместитель, а возбудитель различных, не всегда ясных значений, эмоций, ассоциаций и т. д.

Для научного термина очень важно «очистить» термин от всего постороннего, от ассоциаций, множественности смысла слова и т. д. Термин, как знак, — указывает М. Б. Храпченко, — стремится к инвариантности смысла. Поэтому нередко в качестве терминов используются слова других языков или слова искусственные, изобретенные, свободные от культурного контекста, не употреблявшиеся в прошлом.

Каждое же слово в художественном тексте, взятое само по себе — вне автора, вне времени и места, вне художественного контекста, — это «неродившее слово», готовое породить поэтический смысл только при включении в контекст произведения, эпохи, автора.

Художественное слово есть, конечно, тоже своего рода заместитель, но замещение в художественной речи совершается преимущественно не путем конвенциональным — условного обозначения одного другим, а путем сокращения, перевода части объема слова в латентное, скрытое состояние, а другой части — в состояние активного возбудителя ассоциаций.

Объем слова чаще всего находится в отдельно взятом слове как бы «в засаде», готовое к действию, но лишь смутно ощущаемое автором и воспринимающим то, в чем это действие будет заключаться.

Приведем пример перехода из латентного состояния в состояние «творческой активности» такого слова, как «черный». В слове «черный» скрыты различные возможности: тут и разные значения с разными объемами и множеством ассоциаций, одни из которых могут быть мрачными, другие говорят о богатстве, пышности, страстности и т. д. («черный ворон», «черные очи» и пр.).

Остановимся на словосочетании «черный вечер». Объем слова и круг ассоциаций сразу резко ограничивается и ассоциации становятся более узкими, определенными и острыми. Прибавим к этому словосочетанию